

Чэн Шинань несколько раз прошелся по целинному участку у подножия горы, перекапывая землю и тщательно выбирая корни сорняков. Затем он собрал их в кучи, высушил и сжег. Оставшуюся золу он перемешал с почвой — если почаще перекапывать такую смесь, земля станет гораздо плодороднее. К этому добавили и древесную золу, накопившуюся в доме за всю зиму, — всё пошло в дело для улучшения почвы.

В середине третьего месяца началась горячая пора весенней пахоты: посев, высадка рассады, перекопка и рыхление. Ноги Шинаня целыми днями не знали отдыха. По меркам деревни земли у них было совсем немного, и Вэй Цю порывался помочь, но толку от него было мало — он никогда раньше не занимался крестьянским трудом. Ему только и оставалось, что ходить следом и бросать семена в борозды.

Вся деревня пришла в движение. Мужчины скинули тяжелую зимнюю одежду и, обливаясь потом, трудились на полях, вверая земле зерна надежды. Каждый втайне молился, чтобы они поскорее пустили корни, пошли в рост и одарили осенью богатым урожаем.

Лютые холода остались позади, и дети, просидевшие взаперти всю зиму, наконец высыпали на улицу. Тихая деревня ожила, наполнившись звонким смехом и криками играющей ребятни.

У дома Вэй Цю тоже стало шумно: Дань-дань, Юаньбао и другие малыши то и дело забегали к нему. Они со страстью помогали Вэй Цю пасти гусят и утят — эти маленькие пушистые комочки были для них в новинку.

Линь Цао со смехом жаловался, что его сорванец дома только и знают, что гонять кур да уток, устраивая настоящий переполох. Но стоит ему прийти к Вэй Цю, как он становится шелковыми и даже помогает выгуливать птицу.

Взрослые поначалу не верили, но, послушав рассказы Линь Цао и заглянув во двор к соседям, только диву давались. В итоге родители махнули рукой: лишь бы дети возвращались домой трижды в день поесть, а в остальное время малышня почти безвылазно крутилась возле Вэй Цю.

— Цю-цзю, когда же гусята вырастут? — спросил Дань-дань, висая на спине у Вэй Цю.

Вэй Цю задумался: — Месяца через два-три, наверное.

— А они умеют летать? — Юаньбао с любопытством потрогал маленькое крылышко гусенка.

— Умеют, но не очень высоко, — ответил Вэй Цю.

Он высыпал мелкую рыбешку из верши в таз и велел Дань-даню слезть. За зиму малец подрос и окреп, так что его вес на спине ощущался весьма внушительно.

— Ну, пойдемте в дом! Сегодня Цю-цзю приготовит вам сушеную жареную рыбу.

— Ура! Домой! — стайка детей весело припустила за Вэй Цю к дому.

На месте остался только простодушный Чжуцзы. Он старательно сидел на корточках, присматривая за гусятами.

Вэй Цю остановился и с улыбкой крикнул: — Чжуцзы, возвращайся! Пусть гусята пока здесь травку пощиплют, ничего с ними не случится.

Чжуцзы вытер нос, добродушно улыбнулся и подбежал к ним: — Ага... иду!

— Пошли домой, — Вэй Цю погладил его по круглой голове.

Теперь Вэй Цю по праву считался предводителем детворы деревни Давань: стоило ему выйти за порог, как за ним выстраивался шлейф из карапузов. Деревенские были только рады — Вэй Цю был человеком мягким и покладистым, они надеялись, что дети, общаясь с ним, наберутся доброго нрава.

В полдень дети, прижимая к груди свертки с золотистой хрустящей рыбкой, радостно разбежались по домам. Родители, увидев это лакомство, сразу понимали: Вэй Цю снова побаловал их чад чем-то вкусеньким.

В обычных семьях после Нового года мясо видели редко, и уж тем более никто не стал бы тратить ценное масло, чтобы жарить мелочь, в которой и мяса-то нет. Только Вэй Цю мог быть так щедр к детям — все знали, как он их любит.

Хотя родители не раз наказывали детям не выпрашивать еду и не обедать у Вэй Цю, те чаще всего возвращались домой сытыми по горло. В ответ взрослые стали передавать через детей что-то из своих запасов — будь то овощи или другие продукты — в знак благодарности за доброту.

А когда у мужчин выпадала свободная минутка и они видели Шинаня в поле, то всегда подходили помочь. В деревне воцарился лад...

К обеду, когда Шинань вернулся домой, Вэй Цю уже приготовил рассыпчатый рис, поджарил нежные побеги бамбука, потушил свинину (хуншаожоу) и сварил суп из зелени с тофу. В эту пору ростки бамбука были особенно сочными и нежными; просто поджаренные, они так возбуждали аппетит, что Вэй Цю сам съедал по две чашки риса.

— Ну как? Сегодня закончишь копать? — Вэй Цю первым делом налил Шинаню чашку супа, чтобы тот согрел желудок перед едой.

Шинань, ушедший в поле с рассветом, мучился от жажды. Он взял чашку и шумными глотками выпил ароматный суп из тофу. Казалось, к нему сразу вернулись силы.

Он кивнул: — Да, к вечеру управлюсь, — и отпил еще.

— Потихе, там еще есть! Не пей так быстро, горячо же...

Как только чашка опустела, Вэй Цю наполнил её снова: — Пей не спеша. Вот, попробуй свинину, ты же её так любишь.

Шинань был действительно голоден: со свининой он умял три большие чашки риса, а в конце даже вымазал остатками соуса последнюю порцию. Вэй Цю с удовольствием смотрел на пустые тарелки — для повара это лучшая похвала.

После обеда Вэй Цю велел мужу немного походить, чтобы еда улеглась, и заварил ему домашний чай для пищеварения. Он делал его просто: сушеная цедра мандарина, красные финики, боярышник и немного сахара. Этот кисло-сладкий отвар отлично возбуждал аппетит и помогал усваиваться жирной пище.

Днем Шинань вернулся в поле, а Вэй Цю отправился с корзиной к подножию горы за полынью.

За это время Шинань пропил курс лекарств, и его нога больше не ныла так сильно, как раньше.

В начале года они снова ездили в город на осмотр, и врач подтвердил, что лечение идет успешно, прописав еще несколько порций трав. Теперь основной упор делался на уход и профилактику.

Вэй Цю не расстраивался, что ногу нельзя вылечить до конца: в это время вернуться живым с жестокой войны уже было божьим благословением. Если боль утихла и Шинань мог нормально ходить — Вэй Цю был благодарен небу и за это.

Запасы полыни за зиму почти истощились, нужно было набрать свежей и засушить впрок — это средство в доме должно быть всегда. Весна у подножия горы была в самом разгаре: всё зеленело, растительность буйно шла в рост, а склоны покрылись ковром диких цветов.

Глядя на обилие диких овощей, Вэй Цю предвкушал пиршество. Чистая природа, никакой химии — ешь не хочу! Он решил сначала набрать полыни, а за зеленью вернуться позже, благо идти недалеко.

Пройдя чуть дальше зарослей диких овощей, он наткнулся на густую полынь и быстро наполнил целую корзину. Вернувшись домой, он разложил её на плетеных подносах сушиться, а затем сходил еще за одной партией. Вскоре по всему дворику разлился тонкий аромат полыни. Раньше Вэй Цю не очень любил этот запах, но, ежедневно готовя ванночки для ног Шинаня, постепенно привык к нему.

Выпив воды, Вэй Цю запер ворота и снова ушел за дикой зеленью. Гусята и утята семенили за ним следом, переваливаясь с лапы на лапу. Вэй Цю не прогонял их.

Когда он заикнулся Шинаню о гусях, тот на следующий же день съездил в город и купил по десять штук каждого. Поначалу Вэй Цю боялся, что не справится, и даже бегал за советом к бабушке Мэн — как правильно ухаживать за птицей, чтобы та не передохла.

Но все двадцать штук оказались на редкость живучими и за полмесяца уже привыкли к дому. Теперь по утрам они уходили пастись на межу, а в полдень и вечером сами возвращались назад.

На ужин Вэй Цю сварил кашу из разных злаков. На столе были салат из корней папоротника, черемша с яйцом, обжаренный тофу и лепешки с дикой зеленью.

Шинань, глядя на это «зеленое царство», почесал затылок, с тоской вспоминая полуденную свинину.

Вэй Цю, заметив его обиженный взгляд, усмехнулся: — Завтра потушу тебе косточки!

Только тогда Шинань повеселел и принялся за еду.

Вэй Цю невольно покачал игловой: Шинань стал настоящим гурманом и стопроцентным хищником. Он никогда не жаловался, если мяса не было, и ел что дадут, но его огромные глаза смотрели на Вэй Цю так невинно и жалобно, что сердце повара таяло.

— Завтра сделаю косточки в соусе! — Днем Цянь Мин ездил в город к дяде, и Вэй Цю попросил его привезти охапку костей.

Шинань кивнул: — Хочу поострее!

— Ладно, будет тебе остро, — Вэй Цю окончательно сбил вкусы Шинаня с истинного пути: теперь тот не мог жить без острого.

Закончив ужин, они по традиции немного прогулялись по двору, умылись и легли спать. Ночь прошла спокойно и сладко.

<http://bllate.org/book/17091/1600493>